

Патриотизм при государственном антисемитизме?

или как Шолом-Алейхем «бесстыдно издевается над внутренней и внешней жизнью нашей родины».

Фото: Алекс Берк

Проблема лояльности стране проживания всегда была центральной для еврейства диаспоры. Особенно остро стояла она в Российской империи с ее узаконенной дискриминацией еврейского меньшинства — чертой оседлости, процентной нормой и т.д. Как преломился этот вопрос в творчестве самого значительного еврейского писателя конца XIX — начала XX века Шолом-Алейхема — в интервью с профессором университета Бар-Илан, приглашенным лектором магистерской программы по иудаике НаУКМА Бером Котлерманом.

— Одним из маркеров интеграции и символом гражданского равноправия для евреев Западной Европы была служба в армии. В России же воинская повинность превратилась в инструмент насилия над общиной, еврей по определению не мог стать даже младшим офицером. Все это, мягко говоря, не прибавляло патриотических чувств Шолом-Алейхему, который пишет в 1905 году рассказ под названием «Дядя Пиня и тетя Рейзя», где прослеживаются симпатии к Японии. Читатели уловили этот подтекст?

— Безусловно. Один современник вспоминал, что даже евреи, уже забывшие, когда открывали книжку на идише, смеялись над этим памфлетом и «облизывали пальчики». Им была совершенно понятна перекличка имен, где Пиня — это Япония, а Рейзя — Россия. Недаром, когда цензор обратился с запросом к известному эксперту по «еврейскому вопросу» публицисту Осипу Лернеру, тот поспешил заверить, что «общий тон брошюры бесстыдно издевается над внутренней и внешней жизнью нашей родины». Поэтому вскоре этот изданный в Варшаве рассказ Шолом-Алейхема попал в список запрещенной в России литературы и, кстати, не был включен в собрания сочинений писателя и в советское время.

— На фронтах русско-японской войны сражалось около 30 тысяч евреев — в процентном отношении ничуть не меньше, чем русских. Они были везде — среди артиллеристов, пехотинцев, санитаров, причем нередко речь шла о добровольцах. Как Шолом-Алейхем относился к этому имперскому патриотизму на фоне государственного антисемитизма?

— В единственном его рассказе на эту тему — «Первая пасхальная ночь на войне» — автор остается за кадром, но ему явно ближе позиция молодого солдата Лейбки, который не понимает этого патриотического угара и просто не хочет умирать. Старший товарищ Лейбки — Ерахмиэл — напротив, уверяет, что надо выказать свою преданность, мол, пусть все видят, что еврей тоже «может служить честно и достойно и сложить свою голову на благо страны, где лежат в могилах кости его предков».

Вся эта лояльность вызывает недоумение и слезы, причем, плачет-то Ерахмиэл — от бессилия и осознания двусмысленности ситуации. Еврейская

традиция недаром воспринимает службу в русской армии как большое наказание — многих (в отличие от армий стран Западной Европы) вынуждали креститься — солдату-христианину служилось намного проще.

Российская «шапкозакладательская» карикатура, 1904

Собственно, не всегда честная служба евреев свидетельствовала об их имперском патриотизме. Их просто призывали, как призывали и поляков, у которых были свои счета с царским режимом.

Добровольцы, разумеется, тоже были, в том числе и знаменитый Йосеф Трумпельдор, хотя его пример показывает, что, несмотря на одобренный свыше антисемитизм, верная служба отечеству будет вознаграждена — за свой беспримерный героизм Трумпельдор все-таки стал, правда позже, выйдя в отставку, прапорщиком.

— И как это сочеталось, например, с тем фактом, что во время пуримшпиля в японском плену солдаты-евреи кричали «Банзай», проявляя солидарность с врагом страны, за которую, действительно, ложились костями в битве за Порт-Артур и других сражениях той войны. Это результат разочарования властью, отказывающей евреям, проливавшем кровь наравне со своими соотечественниками, в элементарных правах?

— Не думаю, что солдаты-евреи возлагали какие-то особые надежды на эту власть, да и на своих нееврейских сограждан тоже. В газете *Israel's Messenger*, выходившей в Шанхае в начале прошлого века, напечатан отрывок из дневника еврейского солдата, участвовавшего в какой-то мясорубке под Мукденом. Он описывает не столько зверства японцев, сколько взаимоотношения с сослуживцами. Он пишет о страшном антисемитизме, о том, что «никто не вспомнит о наших жертвах, и суждено нам сгнить на этих диких китайских полях среди хохлов и казаков, которые нас ненавидят». А как называют солдаты двух евреев-однополчан в рассказе «Первая пасхальная ночь на войне»? «Наши жи...ки»... И это идеальный вариант.

ЗАПАСНОЙ, УЎЗЖАЮЩІЙ НА ВОЙНУ.

Проводы на войну. Еврейская открытка, 1905

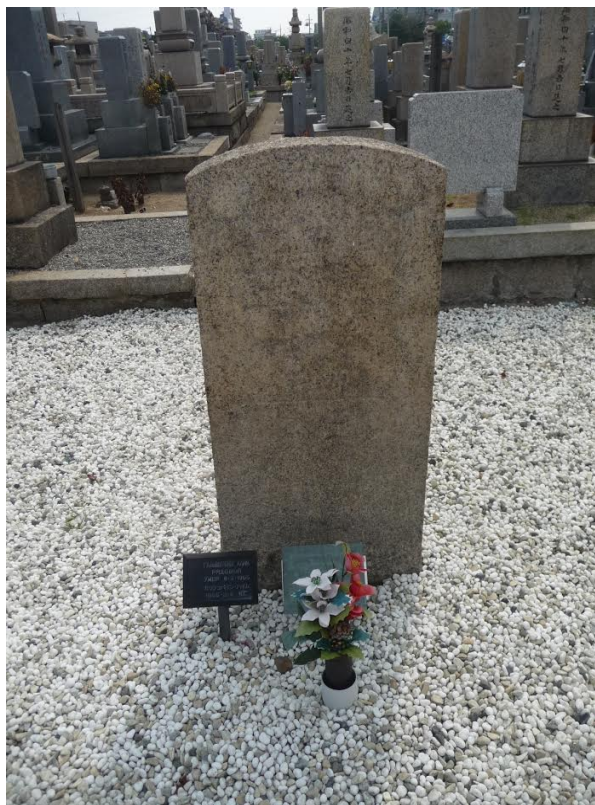
Другое дело, что в любом коллективе есть лидеры — тот же Трумпельдор в своей петиции царю требует равноправия для всех евреев империи, постоянно ссылаясь на «наше право, идущее от наших ран и наших друзей, которые, умирая, завещали нам бороться за равные права». Но кто из пленных солдат-евреев подписывает это письмо? Отнюдь не большинство...

Что касается криков «Банзай», то это частный случай, описанный лишь в японских источниках, возможно, вообще обусловленный исключительно контекстом пуримшпиля. Хотя в одной из корреспонденций в *Israel's Messenger* упоминается о пасхальном седере, где солдаты-евреи якобы желали поражения России. Но свидетельство это, опять же, не прямое.

— В Японии не были удивлены поведением этих странных русских солдат, которые не были похожи на русских?

— Я был во многих японских архивах и, насколько могу судить, японцы удовлетворяли практически все приемлемые просьбы военнопленных-евреев.

Иногда происходили накладки, но чисто технические — так, в лагерь Такайши отправили к Песаху мацу из не такого уж далекого Кобе, отправили вроде вовремя, но почему она пришла в последний день праздника — непонятно. Правда, японцы выделили евреям муку и дали печку, что, на их взгляд, решило проблему.

*Памятник на могиле Хаима Гофштейна,
Идзумиотцу*

*Урок для русских солдат в лагере для
военнопленных, Мацуяма*

Есть описание визита японских чиновников на пасхальный седер — о том, с каким уважением они отнеслись к происходящему, пытаюсь понять, о чем же поют евреи, и призывая не обращать на них внимания.

Японцы с большим пиететом относились к еврейским традициям — как недавно выяснилось, они даже разрешили возвести заборчик вокруг могилы некого Хаима Гофштейна на кладбище для русских солдат в Идзумиотцу — еврейского участка там, естественно, не предполагалось, но единоверцы объяснили администрации, что могила согласно традиции должна быть огорожена.

Характерно, что школа в лагере для русских военнопленных в том же Идзумиотцу была открыта на территории еврейских бараков. И преподавали

там Трумпельдор, написавший в плену учебник русской грамматики, и его друзья. То есть, вовсе не преувеличение то, что в рассказе Шолом-Алейхема именно Ерахмиэл читает вслух братьям по оружию какой-то патриотический листок — больше это сделать некому, этот солдат-еврей оказался единственным грамотным во всей роте. Здесь нужно добавить, что в Идзумиотцу содержались только низшие чины.

— Так или иначе, но к равноправию участие евреев в русско-японской войне не привело. А в чем Шолом-Алейхем вообще видел решение еврейского вопроса в России?

— Он был не равнодушен к сионистскому движению — участвовал в Сионистских конгрессах, есть целый сборник его рассказов под названием «Для чего евреям страна». Существует также не очень известный второй том «Менахема Мендла» (недавно его перевели на русский язык), где Менахем предстает в образе журналиста, который едет на конгресс и высказывает там различные идеи. Прямых призывов к заселению Эрец Исраэль в творчестве Шолом-Алейхема нет, хотя его Тевье, рассуждая, куда же ехать — в Америку ли, в Аргентину, останавливается на Стране Израиля. Для него это некий естественный — библейский, а не политический сионизм, недаром Тевье упоминает знаковые для каждого еврея места — могилу праматери Рахели, пещеру Махпела в Хевроне, Кадеш Барнеа в Синайской пустыне.

Но если говорить о решении еврейского вопроса, то Шолом-Алейхем видел его в построении гражданского общества в России, где евреи будут полноправными гражданами.

— Он как-то продвигал эти идеи на всероссийской политической арене, искал поддержки у партий, разделявших эти взгляды, — кадетов, например?

— Нет, в российской внутривнутриполитической жизни Шолом-Алейхем практически не участвовал. В посвященном революции 1905 года романе «В бурю» его симпатии на стороне героя-сиониста, который после погрома уезжает в Эрец Исраэль. Правда, это напоминает гипотетический отъезд Тевье-молочника, который ехать никуда не хочет, но если уж бежать, то в Святую Землю.

Похороны Шолом-Алейхема, Нью-Йорк, 1916

При этом главные надежды Шолом-Алейхема, возвращаясь в контекст русско-японской войны, — на то, что под давлением мирового сообщества Российская империя, нуждающаяся в займах, пойдет на уступки и предоставит евреям равные права.

— 23 ноября 1905 года после царского манифеста и киевского погрома Шолом-Алейхем в письме Морису Фишбергу в Нью-Йорк просит предостеречь богатых евреев Запада ни в коем случае не оказывать помощи царскому режиму: «Если объявится сейчас еврей-миллионер с ссудой — то он без ножа зарежет 6 миллионов евреев (помимо ста миллионов христиан), и кровь его за это на голове его!» А как же принцип «закон страны — закон», которого община придерживалась даже в условиях государственного антисемитизма?

— Шолом-Алейхем считал, что надо использовать любые возможности для давления на власть. Тогда и он мог бы вернуться в Россию. Покинув Империю

в самом конце 1905 года, он все время мечтал вернуться домой.

— Писатель стремился быть понятым русским читателем, хотел, чтобы о нем узнали вне еврейской среды?

— Безусловно. Вопрос перевода на русский язык для него крайне важен. После выхода его собрания сочинений на русском авторитет Шолом-Алейхема резко вырос, в том числе и в еврейской среде. Это напоминает путь Башевиса-Зингера, который удостоился настоящего признания у соплеменников после перевода на английский. Та же история у Шолома Аша.

Так или иначе, русский перевод вывел Шолом-Алейхема в большую литературу. В Америке же он начинает мечтать о большой литературе на английском. Рассказ «Степпеню» перевели на английский в Дублине еще в 1913 году — он очень этим гордится, пытается наладить связи с англоязычным миром и посылает коллегам этот перевод. Когда «Мальчика Мотла» переводят и начинают печатать с продолжением в приложении к одной из крупнейших американских газет того времени *The New York World*, которое выходит тиражом в 5 млн экземпляров, писатель считает это небывалой удачей. Он даже пишет дочери в Одессу, мол, «наконец-то я выхожу в большую литературу — такого успеха не было даже у Израиля Зангвилла» (писавшего на английском). Есть даже апокрифическая история о том, как Шолом-Алейхем назвал себя еврейским Марком Твеном, а тот в ответ представился американским Шолом-Алейхемом.

— А в еврейскую жизнь в Америке он вписался?

— Не вполне, ему многое не нравилось, хотя он активно ездил по стране, читая свои произведения, а отдыхал в излюбленных евреями пансионатах в Кэтскиллских горах или на побережье в Нью-Джерси. Шолом-Алейхема считали в Америке крупным писателем, его даже узнавали на улицах, но на доходах это не очень сказывалось — сотрудничество с еврейской прессой дело малоприбыльное.

Вообще, американский период его жизни полон разочарований. Последний раз он появился на публике в марте 1916 года, выступая перед полным залом в Филадельфии. После выступления ему вручили чек на небольшую сумму, который оказался непокрыт. «Прием был свинский, как и подобает Филадельфии», — писал он своим близким.

Через два месяца он умер от туберкулеза. Похороны Шолом-Алейхема стали крупнейшими в истории Нью-Йорка — и не только еврейского Нью-Йорка.

Еврейские предприятия города были закрыты в этот день, тысяч сто пятьдесят человек, а может и больше, пришли проводить в последний путь Шолема (если хотите, Соломона Наумовича) Рабиновича, — который, куда бы ни забросила его судьба, оставался певцом родного Егупца.

Беседовал Михаил Гольд

Дядя Пиня и тетя Рейзя

(отрывок)

Высокая, дородная, с мясистым лицом, с грубыми неловкими руками, с черными от грязи ногтями, с голосом — как у мужика, бездушная — как татарин, скупая, ленивая, не столько злая, сколько обозленная на весь свет, очень простецкая штучка — вот такой была тетя Рейзя (намек на Россию, — прим. ред.).

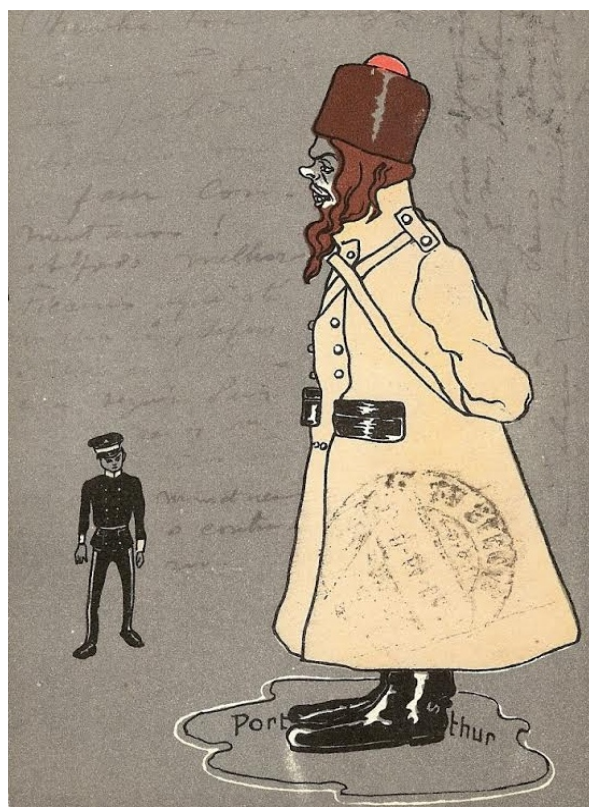
Да, имелось у нее еще одно достоинство — любила она поесть и любила, да простит она меня... Это же останется между нами, верно? Я бы об этом вам сразу поведал, но ведь женщине такое не подобает... Короче, любила она выпить — и к тому же частенько, и к тому же обычной водочки, и к тому же из чайного стакана.

Одни говорили, что это болезнь. Другие считали, что это к ней перешло по наследству от прапрабабки, светлого ей рая, — весьма достойной особы, но

большой, однако же, выпивохи.

Русская карикатура,
1905

Японская карикатура. На луже под русским
солдатом написано: «Порт-Артур»

При этом тетя Рейзя была набожна и богобоязненна — верила в колдовство, чертей, вурдалаков, домовых и вещие сны. После каждого зевка сплевывала три раза, после каждого чиха тянула себя за левое ухо, водила знакомство со всеми набожными кумушками, носила на шее амулет, полученный у ребе, — настоящая святоша.

Полную противоположность ей являл собой дядя Пиня (то есть Япония, — прим. ред.). Маленький, черненький, симпатичный, верткий, юркий, с маленькими пытливыми глазками, с маленькими ножками-бочонками — спирт, огонь, пронырливый хитрюга. Вот этот маленький дядюшка голову имел — здоровую, руки — золотые, а уста — пламенные.

Примечательно, что образы, вышедшие из-под пера еврейского классика, вполне вписывались в сатирический диалог, который вели тогда между собой японцы и русские. На японских открытках и плакатах Россия представлялась в виде огромного, жестокого и глупого казака, противостоящего маленькому, сообразительному и элегантному японскому солдату. Та же разница в масштабах освещалась русскими с другой перспективы: на многочисленных лубочных картинках мощный русский солдат одним ударом валил множество

маленьких жукообразных японцев или отрубал им носы, которые они сунули не в свое дело.

Бер Котлерман